
Елена СЕВРЮГИНА

СЕЛУ ЯЗЫКОВО

вперед-назад качаются качели
погожий день безмолвие жара
и кажутся картиной боттичелли
деревья и дома вокруг двора
на огороде муж самозабвенно
выдерживает натиск сорняка
и счастье разливается по венам
и новая рождается строка
здесь классика являющийся образ
преобразует бытность в бытие
языково ульяновская область
единственное Болдино мое
рассыпавшись на сотни малых радуг
июльский свет врывается в окно
а я спешу на летнюю веранду
чтоб записать шедевр очередной...
а в час когда серебряное просо
рассыплет ночь и в мир вплывет луна
на нас с тобой юнец черноволосый
посмотрит из небесного окна

* * *

морским прибором раскошелясь
вода сворачивалась в шелест
и был так первозданно груб
далекий гул оленных труб
с пластинки сном стекал гонсалес
чего-то хрупкого касаясь
слегка дрожащего внутри
луна и джаз вино и бри
мне говорили что осмелюсь
сравнить камелию и мелос
и причаститься к тишине
в какой-то призрачной стране

Елена Вячеславовна Севрюгина родилась в Туле в 1977 году. Кандидат филологических наук, доцент. Автор публикаций в журналах «Дружба народов», «Нева», «Prosodia», «Знамя», «Урал», «Номо Legens», «Дети Ра», «Интерпоэзия», «Новый журнал», «Гостиная», «Плавучий мост» и др. Живет в Москве.

где все события спонтанны
где звуки выпренно гортанны
где голос внутренней луны
бежит ознобом вдоль спины
где жизнь сложив по парафразам
легко терять последний разум
и слушать как растет трава
и распадаться на слова

* * *

это кто шагает вслед за мной
в призрачной накидке ледяной
сны выводит за руку и стелет
памяти бессвязные круги
режет воздух нажимает delete
и внутри включается «беги!»

и ложусь я будто бы живой
в трехметровый снег под головой
в облако пугающего дыма
в черную густую тишину
а внутри колотит нестерпимо
кто-то у кого давно в плену

вот опять я с ним наедине
я ли в нем а может он во мне
этот свет внезапный и раздетый
громко выплывающий из тьмы
как в степях затерянное гетто
как глоток обугленной зимы

это ли не мой треклятый рай
выбирай другое выбирай
приручай привычное земное
тянущее к брэнному жилью
но опять оно идет за мною
горькое глубинное мое

* * *

не найдя ни берега ни места,
не познав ни города ни брода,
человек выходит из подъезда,
как маньяк выходит на свободу,
облегченно вскидывает руки,
пальцами, сухими, как печенье,
расправляет мороки и муки
своего земного облаченья

и, безумно жаждущий размена
 сотни суш на призрачное небо,
 понимает, что не по размеру
 эта новоявленная небыль,
 этот стон, что песней не зовется,
 этот выбор — к белым или черным —
 человек навеки расстается
 с прошлым сном, на пепел обреченным,
 он уже не он, простой и явный,
 плотный и вполне материальный —
 сотканный анапестом и ямбом,
 летный дух под маской театральной...
 что ему тревожный этот вечер,
 красный снег под серыми ногами,
 если только вечностей картечи
 сквозь него проходят облаками

* * *

да будет так — безмолвие и море
 колючих дней, густых осенних слез,
 бесцветная табличка на заборе
 «сезонное хранение колес» —
 до летнего счастливого конца
 бутылки, банки, чувства и сердца
 закупорены прочно — им отныне
 теплом последней радуги мерцать...
 и я мерцаю — видишь это пламя,
 беспмятно плывущее над нами,
 над солнцем неприкаянной земли ...
 мне ночью снова снилось — корабли
 с забытыми родными именами
 плывут... куда ж им плыть? блестит роса
 у прошлого на смуглых волосах,
 и так темно, что впору разрыдаться
 на августовской мертвенной груди —
 дремучий сон, бессонные дожди
 пугают невозможностью остаться
 там, где не страшно — хрупкий мир тепла
 рассыплется на бисер слов и писем,
 в которых мы до музыки возвысим
 все то, что память нам приберегла...
 легко и неприкаянно внутри —
 закрой глаза, не бойся и смотри,
 плывет по стеблям трав, по кронам сосен
 в короткий день распахнутая осень —
 твой новый ритм...

* * *

внутри немолкнувшей столицы
гремят расколотые нервы
а я хочу коснуться птицы —
она несет на крыльях небо
потом на юг или на север
да хоть на запад — бьется в жилах
старинной сепией несебер
в лучах седого вараджина

а мне б туда где раньше Пушкин
и мне б туда где позже Моэм
но в этой странной погремушке
иду как будто под конвоем
внутри магической воронки
где утром/ночью поздно/рано
скрипят слепые шестеренки
гудят разболтанные краны

и неопознанным приказом
и неосознанным заветом
дорог заученные фазы
домов иссохшие скелеты
и в сердце — только о прошедшем
и в мыслях — только о Хароне
мой град — мой молох сумасшедший
меня однажды похоронит

глаза и губы и ресницы
уснут в подземном лабиринте
и только голоса синицу
оставлю городу — берите
прижмите к слуху — пусть щебечет
живым подобьем оберега
а если нет — так даже легче
верните сну предайте снегу